

ГАРМОНИЯ НАД БЕЗДНОЙ

(О поэзии Ларисы Миллер)

Кто-то говорил: кратчайший путь – от сердца к сердцу. Наверное, поэзия и есть этот самый путь. Может быть, это звучит старомодно в наш век постмодернизма – игры, пересмешничанья, ерничанья, когда поэзия выполняет совершенно другие функции, но все-таки главным ее критерием всегда был один: нужны ли эти стихи людям? И если нет, то зачем они?

В поэзии Ларисы Миллер я нашла то, чего мне так не хватало в других современных поэтах – разговор о том, как человек справляется с жизнью, как он чувствует себя перед лицом вечности. Я была потрясена невероятной простотой этой поэзии. Она голенькая: ни оборочек, ни рюшечек – стихи из ничего. И при этом так цепляют!

Возвращаемся на круги своя,
Наболевшее от других тая.
А захочется поделиться вдруг,
Не поймет тебя самый близкий друг.
Он и сам в беде, он и сам в тоске,
Он и сам почти что на волоске.
Тянешь руки ты, тянет руки он,
А доносится только слабый стон.
И когда молчим, и когда поем –
Каждый о своем, каждый о своем.

Я читала и соглашалась с каждым словом. Было такое чувство, что не Лариса Миллер делится со мной своими печалью и радостями, а я говорю ее словами, ее мыслями, радостями и печалью. «Кому повею? Кому нужда в моей наживке?» – пишет она, а мне хотелось крикнуть: «Мне! Мне!». Ее стихи стали для меня больше, чем стихи.

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.

Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней –
Беспощадной и нежной – и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

Стихи Миллер и стали для меня такой «инструкцией». Их хотелось выписать, выучить и жить по их «рецептам». В них и молитва:

Ночь метельная была.
Ангел мой, раскрыв крыла,
Обойми меня, закутай,
Не пускай на холод лютый.

* * *

Все зачинает, чтоб вновь погубить.
Ангел мой ласковый, дай долюбить.

И заклинание:

Все переплавится. Все переплавится.
В облике новом когда-нибудь явится.
Нету кончины. Не верь в одиночество.
Верь только в сладкое это пророчество.
Тот, кто был другом единственным, преданным,
Явится снова в обличье неведомом –
Веткой ли, строчкой. И с новой силою
Будет шептать тебе: «Милая, милая».

И утешение:

Ну успокойся, успокойся.
Живи и ничего не бойся.

* * *

Все поправимо, поправимо.
И то, что нынче горше дыма,
Над чем сегодня слезы льем,
Окажется прошедшим днем,
Полузабытым и туманным
И даже, может быть, желанным.

И надежда:

Поверь, возможны варианты.
Изменчивые дни – гаранты
Того, что варианты есть.

* * *

Осенний ветер гонит лист и ствол качает.
Не полегчало коль еще, то полегчает.
Вот только птица пролетит и ствол качнется,
И полегчает наконец, душа очнется.
Душа очнется наконец, и боль отпустит.
И станет слышен вещий глас в древесном хрусте
И в шелестении листвы. Под этой сенью
Не на погибель все дано, а во спасенье.

И руководство к действию:

Ах, не можешь? Надо мочь.
Все твоё – и день, и ночь.
Вот он, день твой, белый, белый.
С этим днем что хочешь делай.

Стихи безыскусны, почти аскетичны. «За чертой бедности», – как она сама с иронией говорит о них. Сколько за последние годы сменилось поветрий, и много раз открывали, что простота кончилась, что она немодна, отстала от века. Но вся эта пена рано или поздно схлынет, как бывало не раз. А чистые и строгие стихи пишутся снова, и ничто их не берет.

Стихи Миллер – вне времени и пространства, по ту сторону всего. Их можно было бы писать и в прошлом веке, они возможны и через века. И в то же время эти стихи современны. Более того, они способны остановить время, замедлить его бег. Читая их, хочется жить медлительнее, внимательнее.

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездонен светлого запас, а черного в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка.
И надо медленно читать и утопать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках.
И жизнь не хочет вразумлять и звать на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

Или:

Ритенуто, ритенуто,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши,
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь, жизнь безбрежна,
И такая сладость в ней.
Но плавней, плавней, плавней...

Легкость. Невесомость. Непринужденность. Бунинское «легкое дыхание». Это высший пилотаж в поэзии, когда мастерства не видно, его не замечаешь. Поэзия не должна пахнуть потом. Как сказал о стихах Миллер открывший ее А. Тарковский, «у нее прозрачно-родниковая форма при истинно глубоком содержании». Но как обманчива эта прозрачность! Так в чистой, незамутненной воде просвечивает дно, до которого однако не дотянуться, как ни пытайся. Ее стихи – это ровность и глубина океана. У Шнитке есть концерт для хора, где все очень ровно, там нет глубоких перепадов. Но это такая океаническая глубина смысла и миропонимания!

Неужто два такта всего до конца?
Семь нот в звукоряде. Семь дней у Творца.
И нечто такое творится с басами,
Что воды гудят и земля с небесами.

Поэзия Миллер – это трепет радости и боли одновременно.

Небо к земле прилегает неплотно.
В этом просвете живем мимолетно.
И, попирая земную тщету,
Учимся жизнь постигать на лету.
Чтоб надо всем, что ветрами гасимо,
Стерто, повержено, прочь уносимо,
Духу хватало летать и летать,
И окрыляться, и слезы глотать.

Это – жизнь с ощущением вечной иглы в сердце.

Дни текли. Душа алкала.
Кошка с блюдечка лакала.
В небе плыли облака
Далеко, издалека.

Ни в четверг, ни в воскресенье
Не нашла душа спасенья.
Кошка с блюдечка пила,
Тучка по небу плыла,
Проплывала в небе синем...
Нынче здесь, а завтра сгинем,
Кошке сливочек налив
И души не утолив.

Лариса Миллер признавалась, что ее стихи очень часто – как бы заклинания от обратного: «На самом деле все плохо, а я себе говорю: скажи, что жить легко!» Стихи часто построены как обращение к себе, самоуговаривание, урок. По сути это своеобразный аутотренинг: «я спокоен, я спокоен...». И вдруг прорывается: «День придет, и дожди будут литься,/ И распусятя вновь лепестки./ Будут петь оголтелые птицы/ В день, когда задохнусь от тоски». И эта «проговорка» – у нее так редки стихи от первого лица – обжигает прозрением, что ей не так уж легко и безмятежно живется.

Меня возмутила рецензия на стихи Л. Миллер В. Цивунина (Новый мир», № 3, 2004), который за внешней простотой формы и видимой легкостью слога не увидел драматизма и глубины содержания. Ведь в том-то и чудо, и ужас, что «вроде просто – дважды два, щи да каша, баба с дедом, а выходит, что едва мир не рухнул за обедом», что в ее строчках «прозрачные дни вдруг взрываются, как мина». Поэтическая сущность Миллер вовсе не благодатна, в ней есть и щемящий трагизм человеческого бытия, и тоска, и страх смерти, и безотчетная тревога, и отчаяние: «Дело, кажется, пахнет психушкой».

Идет безумное кино
И не кончается оно.
Творится бред многосерийный.
Откройте выход аварийный.
Хочу на воздух, чтоб вовне,
С тишайшим снегом наравне,
И с небесами, и с ветрами,
Быть непричастной к этой драме,

Где все смешалось, хоть кричи.
Бок о бок жертвы, палачи
Лежат в одной и той же яме
И кое-как, и штабелями.
И слышу окрик: «Ваш черед».
Эй, поколение, вперед!
Явите мощь свою, потомки.
Снимаем сцену новой ломки.

* * *

...Все канет со временем. Помни одно:
И уже бывает.
Но время, которое лечит, оно
Увы, убивает.

Г. Померанц назвал стихи Миллер «поэзией горькой правды». Иногда мороз по коже пробирает от ее строчек:

Спасибо тебе, государство,
Спасибо тебе, благодарствуй
За то, что не всех погубило,
Не всякую плоть изрубило,
Растлило не каждую душу,
Не всю испоганило сушу,
Не все взбаламутило воды,
Не все твои дети – уроды.

В стихах её много мрака, но все это осенено высью. От слов словно идет свечение. И, кажется, чем больше в них земли, тем ближе они к небесам.

А между тем, а между тем,
А между воспаленных тем,
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты, и я,
Пропитанные злобой дня.

А ощущение света в стихах Миллер возникает во многом благодаря их совершенной, безукоризненной форме – точной рифме, внутреннему звучанию. Восхищает абсолютная законченность стихотворения, соразмерность частей: звуков, смыслов, образов. Это просто какая-то «рукой Челлини ваянная чаша»! Даже Цивунин не может не отметить, как они «отточены и безупречны».

Стихи очень компактны. Четыре – восемь строк. Иногда – двенадцать. Реже – шестнадцать. Как говорил ее любимый Синявский: «Я буду краток, потому что жизнь коротка». Но эти строчки запоминаются сразу, намертво впечатываясь в сознание. Это речь огромной концентрации и напряжения. Миллер хорошо знает, что значит точное слово. На малом плацдарме она ведет большие бои.

Судьбу не надо умолять.
Ты – в окруженье.
В тебя позволено стрелять
На поражение.
Укрыться где и от кого?
Кругом бойницы.
Нас выбьют всех до одного –
Не уклониться.
Пока для тайного стрелка
Ты служишь целью,
Цветут небесные шелка
И звонкой трелью
Сам соловей пугает тьму,
Сменив кукушку,
И кружит голову тому,
Кто взят на мушку.

* * *

Однажды выйти из судьбы,
Как из натопленной избы
В холодные выходят сени,
Где вещи, зыбкие, как тени,
Стоят, где глуше голоса,
Слышнее ветры и леса,
И ночи черная пучина,
И жизни тайная причина.

Поэтическая речь Ларисы Миллер непривычно для нас сдержанна. Она словно стесняется пафосности, открытой эмоциональности. «На тьму лирических словес наложим вето», – пишет она. «Ни цветаевской ярости», ни губановской расхристанности, ни шершавой «плотскости» Т. Бек в ее поэзии не обнаружишь. Миллер не грузит нас своими проблемами, не выворачивает нутро наизнанку, а просто, негромко делится какими-то открывшимися ей вечными истинами. Но так, что истины, увиденные ее незамыленным пристальным взглядом, вдруг начинают сиять заново, помогая ощутить мир в его первобытной прелести.

О мир, твои прекрасны штампы:
То свет с небес, то свет от лампы,
То свет от белого листа...
Прекрасны общие места.

* * *

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь желтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.

Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.

Какому-нибудь снобу стихи Миллер покажутся суховатыми, скучными, несовременными. В них не встретишь никакой экспериментальной эквилибристики, никаких неологизмов, стилистических ухищрений, никакого оркестра аллитераций – ничего из того, чем грешит нынешняя поэзия, от чего в ней так устаешь. Устойчивый, в чем-то однообразный ритмический рисунок. Парная рифма, напоминающая дыхание: вдох – выдох, скромная, неброская, не рассчитанная на читательский шок. На ее стихах глаз отдыхает, притом что душа – трудится, работает.

Такая поэзия считается старомодной. Да, она старомодна, если за новомодность принять игру в литературные кубики и шарады. Она старомодна, если старомодны любовь и смерть, детский смех и прозрачный воздух в осеннем лесу.

Поговорим о пустяках,
О том, что не живет в веках,
О том, чего подуй – и нету,
О том, что испарится к лету,
К рассвету, к осени, к весне...

– О чем ты? Говори ясней.
– Я о пустячном, мимолетном,
О состоянии дремотном,
О том, что просыпаться лень,
Как тянет в беспросветный день,
Забыв себя, стать первым встречным...
Постой, но это же о вечном.

Но когда читаешь эти стихи – проникаешься внутренней силой. Такая поэзия целительна и животворна. Она для тех, для кого Слово, Живопись, Музыка остались ценностями неизменными.

Не вмещаю, Господи, не вмещаю.
Ты мне столько даришь. А я нищаю:
Не имею ёмкостей, нужной тары
Для даров Твоих. Ожидаю кары
От Тебя за то, что не стало мочи
Все вместить. А дни мои все короче
И летят стремительно, не давая
Разглядеть пленительный отблеск края
Небосвода дивного в час заката...
Виновата, Господи, виновата.

Мне очень нравится, что стихи ее – не «женские», а – общечеловеческие. Есть такая затертая уже фраза (которую Блок сказал Ахматовой), что стихи надо писать не как перед мужчиной, а как перед Богом. Стихи Миллер – именно такие. Они обращены ввысь, минуя посредника в мужском обличье. В них как бы отрезана почва со всем ее мусором, с подробностями личной судьбы, предпочтение отдано целому перед частью, Главному, Сути. Поэтому мир в ее стихах кажется таким незамутненным, кристально чистым и ясным, хотя и не лишенным драматизма.

Поражает, как в такую лаконичную форму можно вместить бездну глубины содержания. Ведь по сути эти восьмистишия – квинтэссенция жизненной мудрости, их можно было бы развернуть в философские трактаты. В её стихах угадывается влияние античных и христианских авторов, влияние философов-экзистенциалистов и писателей, близких к такому ощущению жизни (Габриэль Марсель, Герман Гессе и др.). Миллер продолжает традиции почти дневниковой философской лирики, которая в русской поэзии восходит к Тютчеву. В одном стихотворении у нее есть такая строчка: «И лежит моя закладка в толстой книге философской». В своей автобиографической прозе она рассказывает, что когда что-то в жизни ее брало за горло, происходили потрясения, с которыми она с трудом справлялась, она начинала читать философов, чтобы разобраться во всем. Она читала китайских, индийских, русских философов, но самым сильным ее впечатлением был Мейстер Экхарт. Он и другие мистики – в частности, исихасты – хотели сохранить Слово ценой молчания, на его грани. Немногословной Миллер это очень близко.

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

В одном из рассказов Миллер есть описание бессонницы и ощущение хода времени (тиканье часов), которое мучает ее, школьницу, по ночам. Возможно, это было для нее каким-то предчувствием поэтического ритма?

Электронная начинка,
Примитивная починка:
Батарейку заменили,
И часы засеменяли.
А они теперь без тика.
Хоть и мчится время дико,
Хоть, как прежде, убывает,
Но бесшумно убывает.
Ни бим-бома, ни тик-така,
Только тихая атака:
Час не стукнул и не пробил,
А подкрался и угробил.

* * *

Постой же, время, не теки.
Постой со мною у реки
Такой медлительной и сонной.
Пусть жизнь покажется бездонной

Упрямым фактам вопреки.
На этом тихом берегу
Поверить дай, что все смогу,
Что ничего еще не поздно,
Что я... «И это ты серьезно?» –
Шепнуло время на бегу.

Позже в интервью Миллер признавалась, что «помешана на времени», что это для неё одно из главных понятий: ход времени, ощущение человека во времени.

Где ты тут, в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом –
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье...

* * *

Мы у вечности в гостях
Ставим избу на костях,
Ставим избу на погосте
И зовем друг друга в гости:
«Приходи же, милый гость,
вешай кепочку на гвоздь».
И висит в прихожей кепка,
И стоит избушка крепко,
В доме радость и уют,
В доме пляшут и поют,
Топят печь сухим поленом.
И почти не пахнет тленом.

Существует огромное пространство, в которое мы все заброшены, и несущее нас время. Все, что в стихах Миллер – продиктовано этим. У нее страстное желание во что-то спрятаться: «Под небесами так страшно слоняться./ Надо хоть как-то от них заслоняться».

Куда бежать, как быть, о Боже, –
Бушует влажная листва.
И лишь непомнящих родства
Соседство с нею не тревожит:
Ее разброд, метанье, дрожь,
И шелестенье, шелестенье:
«Ты помнишь? Помнишь? Сном и бдением
Ты связан с прошлым. Не уйдешь.
Ты помнишь?» Помню. Отпусти.
Не причитай. Не плачь над ухом.
Хочу туда, где тесно, глухо,
Темно, как в люльке, как в горсти.

Где не беснуются ветра,
Душа не бродит лунатично,
А мирно спит, как спят обычно
Под шорох ливня в пять утра.

«Как страшно жить», – вспомнилась вдруг присказка Ренаты Литвиновой. Но в самом деле, если вдуматься – охватывает чувство экзистенциального отчаяния. Никаких гарантий, никакой внешней защиты!

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом,
И рожаем в доме том.
И цветет над легкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пеленки кружевной.

Это отголоски прозы её любимого Набокова: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну прижизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час» («Дар»). Основное чувство от поэзии Ларисы Миллер – это ощущение хрупкости и непрочности бытия.

Такой вокруг покой, что боязно вздохнуть,
Что боязно шагнуть и скрипнуть половицей.
Зачем сквозь этот рай мой пролегает путь,
Коль не умею я всем этим насладиться.

... И давит, и гнетет весь прежний путь людской
И горький опыт тех, кто жил до нас на свете,
И верить не дает в раздолье и покой
И в то, что мы с тобой избегнем муки эти;

И верить не дает, что наша благодать
Надежна и прочна, и может длиться доле,
Что не решит судьба все лучшее отнять
И не заставит вдруг оцепенеть от боли.

Все так невечно, зыбко, разрушительно в этом мире... Но и одновременно очень весомо и значимо. Каждая частица бытия связана невидимыми нитями с чем-то, чего не увидишь глазами, но что является смыслом и сутью всего видимого, явного, что «знает из опыта» наша генетическая память.

Как будто с кем-то разлучиться
Пришлось мне, чтоб на свет явиться...
И шарю беспокойным взором
По лицам и земным просторам...

* * *

И замысел тайный еще не разгадан
Тех линий, которые дышат на ладан,
Тех линий, какими рисована былль.
И линии никнут, как в поле ковыль.
Мелок, ворожа и танцуя, крошится,
И легче легчайшего жизни лишиться.
Когда и не думаешь о роковом,
Тебя рисовальщик сотрет рукавом
С туманной картинки, начертанной всеу,
Случайно сотрет, чей-то профиль рисуя.

* * *

Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим...

Пронзительное понимание того, что «жизнь и любовь не прочней волоска», почти физиологическое ощущение бездны, которая буквально в двух шагах. Точно идешь по очень тонкому льду и можешь рухнуть. Иные творческие натуры сами ищут этой потерянности в бездне, упоения на ее краю. Миллер не ищет. Но она сама находит ее.

Ты сброшен в пропасть – ты рожден.
Ты ни к чему не пригвожден.
Ты сброшен в пропасть – так лети.
Лети, цепляясь по пути
За край небесной синевы,
За горсть желтеющей травы,
За луч, что меркнет, помелькав,
За чей-то локоть и рукав.

Существует мнение – его придерживается, например, Станислав Рассадин, что гармоническое начало ушло из искусства едва ли не сразу после смерти Пушкина. Трудно с этим согласиться, держа в руках книгу Миллер.

Есть удивительная брешь
В небытии. Лазейка меж
Двумя ночами. Тьмой и тьмой...

* * *

Существование на грани
Невесть чего. Исхода нет.
Любовь? Она лишь стылый след.

Покой? Но он нам только снится.
Так что же есть? Небесный свет,
В котором облако и птица.

* * *

Между облаком и ямой,
Меж березой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между Босховским уродом
И весною Боттичелли.

Ее среда обитания – «меж небом и землей», «между облаком и ямой». Пространство метафизическое, эфемерное, пространство, где таится «мерцающий свет, рожденный мгновеньем, которого нет». А что же есть? То, что она силится передать: неуловимое состояние, мимолетное ощущение бытия.

Некто, нечто, дом, калитка,
Сад, готовый отцвести, –
Бесконечная попытка
Скоротечное спасти.

Можно, конечно, выразить дисгармоничность мира какофонией звуков, резкой сменой ритма, изломанной линией метра – и в этом отношении в 20 веке многое было сделано. Но гораздо труднее, находясь внутри этого искореженного, искаженного судорогой боли «страшного мира», увидеть его как бы снаружи, отстраненно, из далекого далека, из невидимого космоса, пронизывающего все обыденное. Эта запредельная пристальность зрения, слуха, всех чувств – главное свойство стихов Ларисы Миллер.

Да разве можно мыслить плоско,
Когда небесная полоска
Маячит вечно впереди,
Маня: «Иди сюда, иди».
Маячит, голову мороча,
Неизреченное пророча,
Даруя воздух и объем,
Которые по капле пьем
Из голубой бездонной чаши.
Отсюда все томленье наше,
Неутоленность и печаль.
Попробуй к берегу причаль,
Когда таинственные дали
Постичь идущему не дали
Ни первым чувством, ни шестым,
Что там, за облаком густым.

Космическое чувство бездны, пространства и связи со всем этим дает ощущение масштаба и защищенности от заикливания на временном и пустячном. Чем больше хаос, чем злее «злоба дня» – тем больше у нее потребность в гармонии. Стихотворение – это как лодочка, на которой она должна удержаться на плаву.

В тихом омуте черти,
В небесах ангелок.
Ну а мы посередке
В неустойчивой лодке
В неизвестность плывём.
Наши вехи нечётки,
Ясен лишь окоём.

Она предпринимает отчаянную попытку ухватиться за что-то в этой неустойчивости, непрочности бытия:

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вехи земные,
Которых не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой за кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребенка.

Поэт чувствует враждебный мир за спиной и – продолжает строить свое убежище от смерти и тлена.

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что все рассеется потом.
Уйдет, разрушится и канет,
И отомрет, и сил не станет
Подумать о пережитом.

Могуществу разрушения она противопоставляет детское доверие миру.

Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Вот хвост у сороки отменно хорош:
Большой, черно-белый. Такое перо –
Ему бы стоять на старинном бюро,
И если не манна слетает с небес,
То все ж филигранна, воздушна на вес
Снежинка, летящая в снежных гуртах.
И это о радости в общих чертах.
И это два слова про дивный пейзаж,

Про фон повседневный обыденный наш,
Про фон наш обычный. Но, может быть, мы
Являемся фоном для этой зимы,
Для этих сугробов, сорок и ворон.
И терпит картина серьезный урон,
Когда и летают, и падают ниц
Снежинки на фоне безрадостных лиц.

Первейшая задача поэта, как её понимает Миллер, – гармонизировать хаос и мужественно, достойно пройти земной путь между колыбелью и бездной. И она протягивает нам эту соломинку спасения всем тонущим, руку помощи, фонарик, лучик света, которым освещает мрак и холод бытия.

Тьма никак не одолеет,
Вечно что-нибудь белеет,
Теплится, живёт,
Мельтешит, тихонько тлеет,
Манит и зовёт.
Вечно что-нибудь маячит...
И душа, что горько плачет
В горестные дни,
В глубине улыбку прячет,
Как туман огни.

В благодатных стихах Миллер нет благодности, сусальности, елеса. Она – не церковный человек, природное чувство фальши удерживает ее от придуманной веры, но есть в ее стихах и нечто религиозное, если понимать под религиозностью то, что помогает испытать чувство вечности. Или хотя бы намек на это чувство. «А вместо благодати – намек на благодать». Ибо

Все дело в том, что дела нет
Ему до нас. И всякий след
Готов исчезнуть через миг.
Все дело в том, что Светлый Лик
Всегда глядит поверх голов,
Не видя слез, не слыша слов,
Не опуская ясных глаз,
Глядит туда, где нету нас.

* * *

Досадно, Господи, и больно,
Что жизнь Тебе не подконтрольна,
Она течет невесть куда...

В стихах Миллер часто звучат богоборческие мотивы.

О, скольких за собою увлек еще до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас.

Тот тихий, бестелесный, мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведешь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос Твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю – и над бездной Ты не подашь руки,
Хоть знаю – только этот почти неслышный глас –
Единственная радость, какая есть у нас.

Но ей удастся выразить и почти библейскую радость, рассказывая, как сотворены стихи.

Когда Господь на дело рук
Своих взглянул, и в нем запело
Вдруг что-то, будто бы задело
Струну в душе, запело вдруг...

«И с той поры/ трепещет рифма, точно пламя,/ рожденное двумя словами/ в разгар божественной игры».

Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадежно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты – своё, я – своё, да и как же иначе?
Дождь идёт – мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали и как не совпасть?
Я подобье Твоё, и мои неудачи –
Лишь Твоих незаметная часть.

Наверное, это и есть подлинное религиозное чувство, гармоническое ощущение Бога в себе и себя в Божьем мире.

Что за жизнь у человечка:
Он горит, как Богу свечка,
И сгорает жизнь дотла,
Так как жертвенна была.
Он горит, как Богу свечка,
Как закланная овечка
Кровью, криком изойдёт
И утихнет в свой черёд.
Те и те, и иже с ними;
Ты и я горим во Имя
Духа, Сына и Отца –
Жар у самого лица.
В толчее и в чистом поле,
На свободе и в неволе,
Очи долу иль горе –
Все горим на алтаре.

Мне очень дорога непоказная, целомудренная душевность и человечность стихов Ларисы Миллер. Она непритворно болеет за всё живое, и в её присутствии чувствуешь себя уже не так одиноко и заброшенно. Поэт тянет руки к Богу, но тут же оглядывается и протягивает их ниже – к ближним, дальним, сирым, несчастным.

Так и маемся на воле,
Как бездомные.
То простые мучат боли,
То фантомные.
Ломит голову к ненастью,
В сердце колики...
Сядем, братья по несчастью,
Сдвинув столики.
Сдвинем столики и будем
Петь застольную,
Подарив себе и людям
Песню вольную,
Все болезненное, злое
И дремучее,
Переплавив в неземное
И певучее.

Это её способ жить, возможность сопротивления злу и хаосу. Мир природной красоты – её оплот, плот, на котором она спасается и помогает спастись другим. Это уже не стихотворчество – это житнетворчество.

Поэзия Ларисы Миллер открывает нам тайны нашей собственной запутанной жизни. Сколько бед мы несём в себе сами своей глухотой, слепотой к ближнему, сколько бед от непонимания себя и других.

Несовпадение, несовпадение...
О, как обширны земные владения,
О, как немислима здесь благодать.
Как ненавязчиво Божье радение,
Сколько причин безутешно рыдать.
Жаждешь общения – время немотное.
Жаждешь полёта – погода нелётная.
Жаждешь ответа – глухая стена,
Воды стоячие, ряска болотная,
Да равнодушная чья-то спина.

* * *

Смертных можно ли страшать?
Их бы холить и прощать,
Потому что время мчится
И придется разлучиться,

И тоски не избежать.
Смертных можно ль обижать,
Изводить сердечной мукой
Перед вечною разлукой?

В сущности, это переключка с цветаевским: «Послушайте! Еще меня любите за то, что я умру!». Но если у Марины – эгоцентристская жалость к себе, то у Миллер – мучительная жалость к людям, к их детски неразумной слабости, потерянности, заброшенности, не ведающим, что творят, не сознающим, что жизнь неминуемо и жестоко воздаст им с лихвой за все их грехи и ошибки.

Мы еще и не живём,
И не начали.
Только контуры углём
Обозначили.
Мы как будто бы во сне
Тихо кружимся
И никак проснуться не
Удосужимся.
Нам отпущен воздух весь,
Дни отмерены,
Но как будто кем-то здесь
Мы потеряны.
Нас забыли под дождём –
Мы не пикнули,
Но как будто вечно ждём,
Чтоб окликнули.

Стихи Миллер – как этот оклик, на который невозможно не остановиться, не оглянуться, не взглядеться в себя и в тех, кто рядом, оклик, который рождает благодарный отклик в душе. Чувствуется, что стихи эти писал человек очень честный, мужественный, безгранично добрый к другим и сурово требовательный к себе, человек, внутренне свободный и удивительно здоровый душой, который находит слова, где так органично слились боль и надежда:

Нас годы предают,
Нас годы предают,
Нас юность предаёт,
Которой нету краше,
И птицы, и ручьи
Весенним днем поют
Не нашу благодать,
Парение не наше.
Лети же, юность, прочь,
Я не коснусь крыла
И не попомню зла
За то, что улетела.
Спасибо, что была,
Спасибо, что вольна –
И улетела прочь

Из моего предела.
И я учусь любить
Без крика «подожди!»,
Хоть уходящим вслед
С отчаяньем гляжу я.
И я учусь любить
Весенние дожди,
Что нынче воду льют
На мельницу чужую.

Что я знаю о Ларисе Миллер? Знаю, что родилась она в Москве в 1940 году на Большой Полянке, жила в Кривоколенном переулке, который воспела в своих стихах. Её отец – литератор, погибший на войне, прекрасно знавший поэзию русского золотого века. Мать – известная журналистка, работавшая спецкором в журнале «Красноармеец» в военные и послевоенные годы, которая была лично знакома с Ахматовой, Маршаком, Светловым, А. Толстым, дарившими ей свои книги. Лариса Миллер выбрала себе в наставники поэтов века предшествующего. Её поэтическая родословная – Баратынский, Тютчев, Фет.

К стихам она пришла не сразу. В детстве чуть было не сделала актёрскую карьеру. В конце 40-х снимался фильм «Первоклассница», и Агния Барто, у которой Лариса с матерью часто бывали, посоветовала создателям картины пригласить девочку на главную роль. Но бабушка не отпустила: «Не дам калечить ребенку жизнь». В роли первоклассницы снялась Наташа Зацепина, и Лариса Миллер каждый раз, когда смотрела этот фильм, заново переживала свою «трагедию» несбывшегося. После школы она поступила в ИНЯЗ, работала преподавателем английского языка. Есть у нее и еще одна профессия: с 80 года она преподает музыкальную гимнастику по системе русской танцовщицы Л. Алексеевой. Желание танцевать, двигаться – это у неё с детства.

Опять этот темп – злополучное presto
И шалые души срываются с места,
И мчатся, сшибаясь, во мгле и в пыли,
Как будто бы что-то завидев вдали,
Как будто вдали разрешение, развязка,
И миг прекратится безумная пляска.
Неужто весь этот порыв и угар
Всего лишь музыка – бемоль и бекар;
Неужто наступит покой, передышка
И ляжет на клавиши черная крышка?

И не случайно у неё в стихах «слово похоже на жест», как сказал какой-то поэт, а любимые слова – «лёгкость», «полёт».

Высота берется с лёту –
Не поможет ни на йоту,
Если ночи напролет
До измоту и до поту
Репетировать полёт.
...Высота берётся сразу.
Не успев закончить фразу
И земных не кончив дел,

Ощутив полёта фазу,
Обнаружишь, что взлетел.

Когда она пишет, у неё возникает чувство, что она летит. А когда долго не пишет – чувствует, что оседает, тяжелеет. В ее стихах необычайная пластика, грация душевного жеста и слога слиты воедино.

Музыка, музыка, музыка, мука –
Древняя тайна рождения звука,
Что существует, в пространстве кочуя,
Мучая душу и душу врачуя.
Музыка, музыка, форте, пиано –
Ты и бальзам, и открытая рана,
Промыслы Бога и происки чёрта...
Музыка, музыка, пьяно и форте...

Еще студенткой Миллер поняла, что то, к чему она себя готовит – не главное в её жизни. Она мучила себя вопросом: «зачем живу?» Неужели она живёт только для того, чтобы закончить институт и преподавать английский язык? Это нужно для того, чтобы зарабатывать деньги, но ведь должно быть что-то ещё. Она, как Печорин, «чувствовала в себе силы необъятные», но никак не могла понять, на что их употребить. И только когда написала первые стихи, почувствовала, что это именно то, что она должна делать.

Она не могла не писать. Это была какая-то болезненная, почти физическая потребность. Сейчас ей даже странно вспоминать, как она жила тогда. Комната на Кропоткинской в коммуналке. На столе – кастрюля с супом, который муж Борис Альтшулер (известный ученый-физик, друг Сахарова) за неимением ничего другого ел на завтрак. Незастеленная постель, на которой лежала Лариса и пыталась что-то сочинять и записывать. Заходила соседка: «Ну нельзя же так, девочка! Хоть бы котлет нажарила и комнату убрала». Но она боялась потратить секунду драгоценного времени на что-то, кроме стихов. Без них мир терял свою таинственность и казался плоским и будничным.

Когда тону и падаю, не видя дня другого,
Хватаюсь за соломинку – за призрачное слово.
Шепчу слова, пишу слова – то слитно, то отдельно,
Как будто всё, что названо, уже и не смертельно.
Как будто всё, обретшее словесное обличье,
Уже и не страдание, а сказочка и притча.
И я спасусь не манною, летящей легче пуха,
А тем, что несказанное поведать хватит духу.

В 1968 году родился первый сын. Свободного времени становилось все меньше, и Лариса буквально отвоевывала у жизни каждый час для стихов. Она выходила из дома в шесть утра и медленно шла по переулку в молочную, которая открывалась в семь, а до семи она была свободна. Этот предрассветный час был самым насыщенным и значительным временем жизни. Она шла, глядя на снующий вокруг фонарей снег, слушая голоса и шаги прохожих. И неизвестно откуда возникали стихи:

Ни горечь, ни восторг, ни гнев
И ни тепло прикосновений,

Лишь контуры домов, дерев,
Дорог, событий и явлений...

Она писала по несколько стихов в день. Это была её панацея, её пир во время чумы.

А ты в пути, а ты в бегах,
Ты переносишь на ногах
Любую боль и лихорадку,
И даже бездна в двух шагах
Есть повод вновь открыть тетрадку.

* * *

Хоть кол на голове теши,
Все улыбаешься в тиши.
Тебе – жестокие уроки,
А ты – рифмованные строки.

В начале 60-х Лариса узнала, что при Союзе писателей открылась студия молодых литераторов, и стала её посещать. Попала в семинар к А. Тарковскому. Тот пришел в восторг от её стихов. Написал ей огромное письмо, которое она всю жизнь хранила как дорогую реликвию. Он называл ее «чудо» и «прелесть». «У Вас уже есть всё, – писал он в письме, – для того, чтобы задирать носик и не считаться ни с кем. Больше, чем в чье-нибудь, я верю в Ваше будущее... Я уверен, что русская поэзия должна будет гордиться Вами; только, ради Бога, не опускайте рук! Я верю в Вас и знаю, что Ваше будущее – не только как поэтессы, но и как поэта у Вас в кармане, вместе с носовым платком. Еще год работы – и слава обеспечена...»

Большая слава, обещанная Тарковским, к Ларисе Миллер так и не пришла. На мой взгляд, она сильно у нас недооценена. Да и время сейчас не таких поэтов. Но было признание М. Светлова, В. Соколова, Ю. Карабчиевского, Л. Озерова, многих критиков и читателей.

Было 12 книг стихов и прозы, многочисленные газетные и журнальные подборки. В 2000 году журнал «Новый мир» выдвинул Л. Миллер на Государственную премию.

Её очень любил Борис Рыжий. Они переписывались по электронной почте. Лариса вспоминает о нем в интервью: « В переписке он был очень нежен, и мне страшно его не хватает... Это удивительно – у нас такая разница в возрасте, ведь ему было 26 лет. Я давно не встречала такой открытости и такой прямоты, искренности предельной, которой я верила абсолютно».

Я открыла для себя Ларису Миллер в 98 году, когда прочла её книги «Заметки, записи, штрихи» и сборник «Между облаком и ямой». Всё в них уже испещрено моими пометочками, галочками, переложено закладками. Это было потрясением. Мне хотелось читать её стихи направо и налево, что я и делала. «Упоение заразительно», – как она пишет, и мне удалось заразить ее поэзией многих своих друзей и знакомых. Подготовила вечер Миллер в нашей библиотеке, и все были поражены тогда, насколько эти стихи про всех нас.

Я раньше не имела обыкновения откликаться на затронувшую чем-то книгу, тем более – Миллер, не представляя, что такому самодостаточному человеку это может быть нужно. Но вот прочла, как она впервые принесла стихи в «Юность», а там ей сказали, что «писать надо так, как будто бьете поддых», и она огорченно побрела «полосой неудач, полосой неудач вдоль ослепших окон заколдованных дач», как впервые она читала свои стихи в литстудии, и они остались незамеченными (боже, где у них были глаза и уши!), и мне показалось, что она, в сущности, незащищенный и ранимый человек, как и все мы, смертные, нуждающийся в

словах понимания и поддержки. И я послала Ларисе Миллер письмо, где написала все, что думала о её поэзии и что она для меня значит. Послала ей и свои стихи. Через неделю где-то в десятом часу вечера раздался междугородний звонок.

– Это Наташа? Это Лариса Миллер говорит.

– Лариса Емельяновна?! – так и подскочила я. Я не ожидала её звонка и от растерянности и волнения плохо запомнила, что она тогда говорила.

Поблагодарив за письмо, она сразу перешла к моим стихам, сказав, что сейчас перечислит те, что ей понравились. Я не сообразила взять в руки их список, чтобы отметить себе галочками, и, конечно, ничего не запомнила, кроме трех-четырех, таких, как «Пастернак не заехал к родителям...», «В стихах живу я в полный рост...», «Зову тебя, ау – кричу, алё...», «Школьная контрольная». Она перечисляла довольно долго (но и послала я, правда, немало), и я отметила, что она называет почти всё, одобренные Кушнером, словно они сговорились. Добавила «ложку дегтя»: «А четверостишия мне понравились меньше». Расспрашивала о моих лекциях (я послала ей абонемент).

Я посетовала, что у меня нет записей стихов в её исполнении, и Миллер тут же пообещала подарить мне свои диски и новые книги. «Когда кто-нибудь от Вас будет в Москве, я ему передам». По счастью, в Москве как раз в это время гостили наши друзья. Я тут же им перезвонила, и драгоценные дары вскоре уже были у меня. Лариса передала мне три компакт-диска своих стихов, две кассеты с песнями на ее стихи в исполнении московских бардов Галины Пуховой и Михаила Приходько (под аккомпанемент гитары и флейты) и четыре свои книги, которых у меня не было, причем в нескольких экземплярах. Два я подарила друзьям, а два передала в нашу Областную библиотеку. Так что теперь все желающие ознакомиться с творчеством Миллер смогут это сделать.

К посылке была приложена открыточка, которую Лариса написала уже в коридоре, узнав от друзей, что у меня скоро день рождения: «Дорогая Наталья Максимовна! Еще раз спасибо за письмо и стихи. Вы занимаетесь замечательным делом – ведете поэтические вечера. Вы отзывчивый и щедрый человек. Посылаю Вам свои книги, диски и кассеты. Поздравляю Вас с 8 марта и с днем рождения! Всего Вам самого лучшего. Лариса Миллер. 5.03.04».

Две недели я наслаждалась записями, жила и дышала её стихами и песнями. Слушая их, я мысленно повторяла вслед за Тарковским: «Вы чудо и прелесть!» Боже, как мне хотелось туда, в её тихий, безмятежный, гармоничный мир, где травы, тишина и рай, где строчки «забыли, что они слова», а стали небом, речкой, земляничной поляной, где всё освещено светом её души, её тихой радости. Как заманчиво «умирать от праздности», «следить полет шмеля», «следить за бабочкой», жить созерцательно, неторопливо, плавно. Но у меня так не получается. «И вечный бой». А покой и счастье – только в те минуты, когда читаешь такие стихи.

А когда я стала читать её автобиографическую прозу, то обнаружила столько переключек со своими собственными книжками, столько просто неправдоподобных совпадений во вкусах, взглядах, фактах биографии, что в этом чудилось нечто провиденциальное.

Вот она разочарованно пишет о новой Москве: «...снесли дом моего детства и сад с сиренью, куда я не раз приводила старшего сына. На их месте пролегла равномерно гудящая магистраль с нависшим над ней чугунным памятником. Неужели и такая Большая Полянка может стать для кого-то заповедной улицей детства? Так дома ли я, если на моих глазах умер город, который я любила?» Как это похоже по сути на то, что я пишу в своих «Призраках бывшего города».

Насколько сдержанна Миллер в стихах, настолько открыта и исповедальна она в своей прозе. («Так писать непрофессионально», – укорил её когда-то Карабчиевский, но потом взял свои слова обратно и даже сам стал писать от первого лица). Она пишет о детстве, о том, что

хочет его «удержать». И я в своем эссе «Детство мое, постой...» о том же: «Хочется сохранить, собрать по крупицам всё, что осталось, спасти от всепоглощающей пасти забвения и небытия». У нас одни те же любимые поэты: Г. Иванов, Ходасевич, Чичибабин, Рыжий, Кушнер (о всех них я читала в библиотеке лекции). И даже в письмах Кушнеру мы с ней совпали.

«Прочтя книгу Кушнера «Канва», – пишет Миллер, – я написала ему длинное письмо. Письмо писалось светлой июньской ночью и столь же вдохновенно, как стихи. Очнувшись, я увидела, что оно состоит из строк Кушнера и моих междометий. Письмо я все-таки отправила, чтобы куда-то деть эмоции. Слава Богу, Кушнер письма не получил, вовремя поменяв квартиру». В книге «Письмо в пустоту» на стр. 194-200 я пишу о том, как точно так же под влиянием порыва почти в бредовом состоянии отправила Кушнеру письмо. Правда, я оказалась счастливее: Кушнер его получил и даже ответил.

Поразительное совпадение с Петром Старчиком. Миллер пишет о его диссидентстве, аресте, а мы с Давидом тоже были с ним знакомы. Давид даже был у него несколько раз дома в Москве. В 1988 году мы приглашали в наш клуб Максима Кривошеева, исполнившего много песен Старчика, и я с тех пор часто на своих вечерах демонстрировала эти записи. Старчик, узнав об этом, так был растроган, что написал музыку на один из моих стихов, «Утоли моя печали». (Ноты опубликованы на форзаце моего сборника 94 года «В логове души»). Из книги Миллер я узнала, что Старчик написал песню на её стихи с таким же названием, «Утоли моя печали» (стихи я, разумеется, не сравниваю).

Миллер много пишет об антисемитизме, от которого очень страдала и в детстве, и в студенчестве, и это тоже одна из моих наболевших тем, я пишу об этом в памфлете «Русофобия» («По горячим следам»), в книге «Звезда или хлеб?» («Пасынки России», «Призрак шовинизма», «Человек мира»), да и в этой книге тоже («Пятый пунктик»).

О невозможности уехать из этой страны: «Почему не уходишь, когда отпускают на волю?/ Почему не летишь, когда отперты все ворота?» И у меня: «Не дает мне уехать мой город,/ Насмерть Липками прилепив». «И заморозки здесь, и отморозки,/ за выживание вечные бои,/ но светятся застенчиво берёзки/ и за руки цепляются мои».

А её изумительные эссе о собаках «О преимуществах хвоста перед копчиком»! У меня без этой темы не обходится ни одна книга. Словом, я испытала глубокое и счастливое чувство духовного и человеческого родства. И не удержалась, чтобы вместе с благодарным и восторженным письмом не послать Миллер несколько своих книжек прозы и публицистики. 17 апреля я отправила бандероль, а 23-го вечером она позвонила. На этот раз мы говорили довольно долго. Попытаюсь воспроизвести эту беседу (я её записала тогда «по горячим следам»).

– Наташа? Здравствуйте. Это Лариса Миллер говорит. (Она не любила отчество, представлялась только по имени. Я почувствовала это и не называла её больше «Емельяновна», но и по имени называть не решалась. Старалась избегать прямых обращений).

– Я сегодня получила Вашу бандероль. Нам прямо домой принесли. Я уже кое-что прочла. Большое Вам спасибо.

Оказалось, что в тот же день она прочла «Русофобию», «Как я не стала телеведущей» и о Кековой. Говорила, что очень рада была встретить «такую независимость суждений». Что я написала о Кековой и Шварц то, что она и сама хотела написать.

– Я думала, что это только я так думаю, что, может быть, чего-то недопонимаю... Но я не воспринимаю её стихи. У меня такое ощущение, что ей нечего сказать.

Спросила, какие газеты меня поддерживают, есть ли у меня литературный круг. Я ответила, что обо всем этом я пишу в своих книгах. Она пообещала всё прочесть. «Сейчас мы уезжаем до 18 мая, а потом поедem на дачу, я возьму туда Ваши книги, там у меня будет много свободного времени».

Говорила, что ей очень понравились мои эссе (я жалела потом, что не спросила, какие). Хвалила стихотворение на тыльной стороне обложки книги «По горячим следам» («Ошалев от любви и обиды...»), назвав его «прекрасным», что меня смутило, так как я его таким не считала и была очень удивлена, что именно его читали по радио России, выбрав из книги.

Поговорили о нелестной рецензии Цивунина в «Новом мире» (№ 3, 2004), я высказала свое несогласие с ней. (Не сказала бы, что эта критика её особенно расстроила).

Я спросила, почему в «ЛГ» давно не встречаю её заметок. Миллер ответила, что уже три года как не пишет прозу – ни эссе, ни статей, только стихи.

– Почему?

– Не знаю... Куда-то это ушло.

Я выразила надежду, что «это» вернется. Восхищенно отозвалась о её прозе, о том, как мне все это близко и родственно. Она спросила, какие газеты и журналы я выписываю. Посоветовала покупать приложение к «Независимой» «Экслибрис». Недавно там была рецензия Т. Бек на её стихи. (Я на другой же день ее выписала). Сообщила, что в следующем номере «Нового мира» будут её новые стихи и в «ЛГ» тоже скоро выйдет подборка. Я пообещала, что непременно прочту. Еще она сказала:

– Хорошо, что Вы прислали мне книги с Вашими фотографиями. Я теперь могу Вас себе представить. Вы, оказывается, намного моложе меня.

Я ответила, что у поэтов возраста не бывает. Миллер спросила меня, часто ли я бываю в Москве. «Нет, сейчас совсем не бываю». И – уже в конце разговора:

– Я очень рада, что мы с Вами познакомились. Вы мне пишете, пожалуйста.

Это было самое дорогое для меня. Интонация, с которой она это сказала. И вообще этот разговор был мне очень дорог тем, что она говорила со мной чуть взволнованно и – как бы это сказать – почти, да не почти, а – на равных. От этого радостно ухало сердце. Мне вовсе не свойственны ни подобострастие, ни лесть, но Лариса Миллер была для меня не просто человек, поэт, но целый мир, который казался раньше таким запредельным, недостижимым, и вдруг материализовался в виде негромкого глуховатого женского голоса в трубке, участливо спрашивавшего меня о моей жизни – это не укладывалось в голове. «Не вмещаю, Господи, не вмещаю...»

А через два месяца Лариса Миллер снова мне позвонила. Было 12 июля, около двух часов дня. Она звонила по карточке, с дачи. Сказала, что уже почти все прочла и сейчас находится под впечатлением прочитанного.

– ... Ваших стихов и прозы. И то, как Вы ходили в больницу к мужу, и о животных... Все это меня глубоко трогает. Вы очень щедрый человек. Вы борец. Мне самой это не свойственно, но я перед Вами преклоняюсь.

Я молчала, потеряв дар речи.

– Вы меня слышите? Я звоню по карточке, у меня мало времени. Я сейчас отдыхаю на даче. А вы куда-нибудь поедете?

– Нет, у меня все болят. Мама, муж.

– Передайте привет Давиду! Он мне уже таким близким стал после Ваших рассказов.

Я спросила, где она сейчас публикуется, будет ли где её подборка. Она ответила, что обещали в 11-м номере «Дружбы народов». Я похвасталась, что у меня тоже должна выйти подборка в журнале «Арзамас» в Нью-Йорке, тоже 11-м номере. (Так мне сказал Марк Митник по телефону, председатель жюри 13-го конкурса «Пушкинская лира», на котором я победила, заняв 2-е место).

Лариса оживленно переспросила, поздравила. Потом что-то еще о том, что её тронули мои стихи и эссе, что я борец, что она будет их еще читать. Вот в общем и всё.

После этого разговора я кинулась перечитывать свои книги, читая их уже как бы глазами Миллер. И многое в них теперь уже хотелось исправить, переписать. Потом взяла в

руки её сборники. И тут не хотелось изменить ни слова. Я читала и читала. Господи, как близко и созвучно мне все, что она пишет! И в то же время какую пропасть ощущаю между своими поэтическими возможностями и её кристально ясным, строгим, чистым талантом. «А мне туда и не пробиться, откуда родом Вы и птица», – хотелось перефразировать её строку. Только теперь, кажется, и понимаю, как надо писать. Но – учусь у нее счастьем благодарности – не ревновать, не завидовать, а светло любить «дожди, что воду льют на мельницу чужую». Тем более, что её мельница для меня – отнюдь не чужая, а своя, больше, чем своя, и моя благодарность ей искренна и безмерна.

А вскоре я достала из ящика очередной номер «Литературки» с новой подборкой Ларисы Миллер. В одном из стихотворений она отвечала мне на стих, который я ей послала (« я поэт нетяжёлого веса, но мне так тяжело...»):

И ежели твой незначителен вес,
Не надо спускаться на землю с небес.
На грешную землю не надо спускаться,
Не надо вовеки земного касаться,
А надо летать, и летать, и летать,
Глядеть, как стемнело, как будет светать...